

А.М.  
ДЕМИТЗОВ  
СОЧИНЕНИЯ

А.М. Демитзов



**А. М. Ремизов. Берлин. 1922 г.**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК  
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ  
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

А.М. Р  
ЕМИЗОВ  
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

# ВЗВИХРЁННАЯ РУСЬ

МОСКВА  
• РУССКАЯ КНИГА •  
2000

Руководитель программы **Михаил Неиашев**

Редакционная коллегия:

**А. М. Грачева** (главный редактор), **Т. Г. Иванова**, **А. В. Лавров**,  
**Н. Н. Скатов**, **О. П. Раевская-Хьюз**, **Н. М. Солнцева**

Издание подготовлено при содействии **Б. Б. Бунич-Ремизова**,  
**Е. Д. Резникова**, **А. Д. Резникова**

Подготовка текста «Взвирённой Руси», «Клада», «Кедриков», статья,  
комментарии **А. В. Лаврова**

Подготовка текста «Дневника», «Скоморошских ляс», «Расправы»,  
«Сказочек», «Слова о погибели Русской Земли», «Слова к матери-земли»,  
«Плача», «Заповедного слова Русскому народу», статья,  
комментарии **А. М. Грачевой**

Подготовка текста «Дневника» **Е. Д. Резникова**

Подготовка текста «Вонючая торжествующая обезьяна...», статья,  
комментарии **Е. Р. Обатниной**

Подготовка аннотированного Указателя имен **А. М. Грачевой**,  
**А. В. Лаврова**

Техническая подготовка тома **О. А. Лиидеберг**

Ответственный редактор **А. М. Грачева**

Оформление **Г. Л. Шацкого**

**Ремизов А. М.**

**Р 38** Собрание сочинений. Т. 5. Взвирённая Русь. — М.:  
Русская книга, 2000.— 688 с., 1 л. портр.

Пятый том Собрания сочинений А. М. Ремизова содержит произведения, посвященные эпохе революции 1917 г. В нем впервые объединены ремизовские сатира и публицистика тех лет, роман-хроника «Взвирённая Русь», а также документы из российских и зарубежных архивов, в том числе «Дневник 1917—1921 гг.».

ISBN 5-268-00482-x  
ISBN 5-268-00494-8

УДК 882  
ББК 84Р

- © Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Собрание сочинений А. М. Ремизова, 2000 г.
- © Издательство «Русская книга», Собрание сочинений А. М. Ремизова, 2000 г.
- © Лавров А. В., подготовка текста, статья, комментарии, 2000 г.
- © Грачева А. М., подготовка текста, статья, комментарии, 2000 г.
- © Обатнина Е. Р., подготовка текста, статья, комментарии, 2000 г.

## МЕЖДУ СВЯТОЙ РУСЬЮ И СОВЕТСКОЙ РОССИЕЙ. АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ В ЭПОХУ ВТОРОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

К моменту начала Второй русской революции — февралю 1917 г. А. М. Ремизов достиг середины жизненного пути и находился в расцвете творческих сил. Он был признанным мастером русской прозы, зрелым человеком, чьи общественно-политические и эстетические приоритеты сложились, убеждения имели четкую концептуальность. Свершающиеся на его глазах события осмыслились Ремизовым сквозь призму исторических аналогий и жизненного опыта, куда входили и собственные попытки достижения «счастья народного», и личное знакомство со многими из тех, кто в 1917-м году вышел на авансцену драмы русской истории.

Ремизов находился в эпицентре событий — Петрограде. Ни он, ни его жена не имели какой бы то ни было собственности (кроме интеллектуальной), за которую им надо было бояться или о приобретении которой можно было бы мечтать. Ремизовский взгляд на происходящее был взглядом русского интеллигента, демократически настроенного, думающего и болеющего за судьбу России и ее народа.

Для понимания общественной позиции Ремизова значим тот факт, что помимо печатных выступлений, художественных текстов и писем сохранился его Дневник 1917—1921 гг. Благодаря этому документальному источнику можно «услышать» ремизовский голос, узнать его откровенное мнение о происходящем.

Для художественного мышления писателя основным был метод проведения исторических аналогий между современными событиями и предшествующими явлениями русской истории. При этом надо учитывать глубокий и

постоянный интерес Ремизова к древнерусской культуре и аккумуляцию ее категорий его художественным мировоззрением.

Еще в начале 1900-х гг. Ремизов, в связи с пересмотром былых революционных убеждений, отказался от представления о характере развития России, как о пути «исторического прогресса». Согласно его тогдашней концепции, мир был создан и забыт Богом, а путь России был тупиковым путем проклятого народа, обреченного на бессмысленные страдания. Ремизовский сборник переделок старинных отреченных сказаний «Лимонарь» (1907) заканчивался картиной тотальной победы Зла.

С середины 1900-х гг. ремизовская концепция направленности исторического пути России изменилась. Теперь он рассматривал его как органичное развитие национальной социокультурной модели, менявшей очертания, но по сути остававшейся неизменной. В его историософии появляются такие категориальные понятия, как «Русская Земля» — социокультурное единство пространства, населяющего его народа и созданной им культуры; «Россия» — исторически-конкретная фаза развития Русской Земли; «Русь» — символ констант, составляющих духовные основы бытия русского народа; «Государство российское» — издавна, органично развивавшиеся формы «уклада», «порядка» — политической организации жизни. По мысли писателя, всякие попытки резкой деформации или слома национальной социокультурной модели приводили к историческим катаклизмам — Смутам, в ходе которых сам народ, пройдя путем очищения страданием, восстанавливал исконный «порядок», «наряд» Русской Земли. Последней по времени попыткой его нарушения была революция 1905 г. По Ремизову, ее поражение было обусловлено ее неорганичностью для пути национального развития, и, в то же время, оно имело провиденциальный характер испытания, посылаемого России Богом. В том же ключе он воспринял события Февраля 1917 г.

В новой политической ситуации для Ремизова сходным историческим прецедентом стала русская Смута конца XVI — начала XVII в. Концептуальной основой для ее осмысления явились научные труды крупнейшего специалиста по той эпохе С. Ф. Платонова, и прежде всего его

«Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI — XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время)» (СПб., 1899). Объясняя истоки своего интереса к этому историческому периоду, Платонов отмечал: «Мне представлялось, что это время является историческим узлом, связующим старую Русь с новой Россией. Естественным казалось взяться прежде всего за этот узел и потом, держась за путеводные нити, расходящиеся из этого узла, или восходить в древнейшие эпохи, или спускаться в новейшие времена»<sup>1</sup>. Анализ ремизовского Дневника показал, что писатель постоянно листал монографию Платонова, ища в развитии событий прошлого разгадку смысла настоящего и прогноз на будущее.

Для Ремизова главным критерием оценки исторического деяния было его соответствие органическому процессу развития народного самосознания. «Собирание Русской Земли» — складывание государственности — являлось, по сути, проявлением того же процесса. Фиксируя в Дневнике события февральских дней 1917 г., Ремизов отмечал: «Ответственность, которую взял на себя народ, и на мне легла она тысячепудовая. Что будет дальше, сумеют ли устроиться, не напутали бы чего, не схулиганили бы, — столько дум, столько тревог за Россию. <...> Весь вечер, все часы, все минуты одна дума: о России, сумеет ли устроиться? Ведь, народ темен. Куда добредут?» (Дневник. 28 марта 1917).

По мысли Ремизова, Февраль 1917 г. — нарушение «порядка», начало Смутного времени. С первых послереволюционных дней писатель ощущал случившееся как результат манипулирования народной темнотой, осуществлявшегося небольшой кучкой людей ради своих узкопартийных целей. Вспоминая древнерусскую «Повесть временных лет», он называл в Дневнике Временное правительство — «Временное», а Петербург — «тушинский лагерь». «Иногда на меня приходит уныние, что русское дело пропало, что тушинцы, увлекая чернь пряниками, сотрут нас, погибнет и литература русская <...> Но я

---

<sup>1</sup> Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. 2-е изд. СПб., 1913. С. XIV—XV.

утешаю себя метлою: чую всей душой что еще один захват еще одна боль и метла подымется и сметет самоизбранников» (Дневник. 22 октября 1917).

Октябрьский переворот явился для Ремизова органичным продолжением февральских событий, подобно тому как в XVII в. крестьянское восстание Болотникова было следствием явлений самозванцев, претендовавших на выражение воли русского народа. «Если Ленин это Болотников, — записывал Ремизов в дни июньского кризиса, — то Блейхман (булочник анархист) это атаман Хлопок, для к[оторого] разбой — социальный протест» (Дневник. 6 июня 1917). Характерно, что первоначально фиксация в Дневнике перехода власти к большевикам была лишена какой бы то ни было отрицательной эмоциональной окраски: «Сегодня в 7 ч. утра арестов[али] врем[енное] прав[ительство]. Наконец-то Владимир Ильич взял власть» (Дневник. 25 октября 1917). Однако вскоре, когда выявился характер новой власти как *диктатуры*, пусть и пролетариата, а не *демократии* — т. е. власти народа, отношение Ремизова к ней изменилось. От сдержанного неприятия он перешел к действительному протесту теми средствами, какие были доступны писателю — т. е. к войне оружием слова.

Конец 1917 — начало 1918 гг. — время активной публицистической деятельности Ремизова в эсеровских изданиях, таких, как «Простая газета», «Новая простая газета», «Дело народа», «Вечерний звон», «Воля страны», «Воля народа». Одним из видов его публицистики были художественные произведения малых жанров (притчи, политические сказочки, скоморошины). Они представляли собой актуальные отклики на современность, скрытые под прозрачным сюжетным камуфляжем. Так, например, в это время он создал новую редакцию своей же переработки рассказа из древнерусского Пролога о старце Герасиме, излечившем больного льва. В ремизовской притче «Страх смертный» старец помог льву, лев стал служить старцу, на которого раньше работал лишь конь. Рассказ, казалось, кончался картиной «всеобщего счастья». Но в новой редакции Ремизов сделал к нему небольшое дополнение: «И никто не знал, как плохо коню! Старец знал, для чего ему лев служит, и лев знал, для чего он старцу служит,



а конь ничего не знал, для коня старец — старец, лев — лев. И это тоже никто не знал, ни старец, ни лев. // И возненавидел конь льва, а пуще старца святого. И одного уж ждал конь и об одном по-своему, по-кониному, творил Богу молитву и утреннюю, и вечернюю, чтобы освободил его Бог от льва, прибрал старца»<sup>1</sup>. Если образы двух героев (старца и льва) были знакомы читателю, то не менее известен был ему и третий герой — конь. В русской литературе и публицистике (Ф. Достоевский, М. Салтыков-Щедрин, Гл. Успенский, Н. Михайловский и др.) образ «лошаденки», «коняги» издавна был символом страдающего народа. Рассказ о благоденствии старца и льва, основанном на страдании «облагодетельствованного» ими коня, был помещен среди публицистических заметок, осуждавших пропагандировавшееся большевиками принуждение всех ко всеобщему счастью. В подобном контексте он становился притчей о неприятии народом «благоденний», насильно насаждаемых новой властью. По сути, такими же притчами были и политические сказочки Ремизова. Форма «притчи» была избрана автором, чтобы сделать отвлеченную мысль понятной «простому читателю» и чтобы скрыть крамольный смысл сказанного от возрождавшейся цензуры.

Другим видом ремизовской публицистики были прямые обращения к читателю. В труде о Смуте С. Ф. Платонов особо отметил роль известных (таких, как дьяк Иван Тимофеев, келарь Троице-Сергиева монастыря Авраамий Палицын) и безымянных публицистов XVII в., чьи сочинения прерывали то, пользуясь выражением Авраамия Палицына, «безумное молчание» народа, которое также было причиной Смуты. Программный публицистический текст под этим названием («Безумное молчание») был опубликован Ремизовым в день открытия Учредительного Собрания, на которое он, подобно многим, возлагал последнюю надежду — видел для России возможность вернуться к органическому пути своего развития. «Мы в смуту живем, все погублено — без креста, без совести. И жизнь наша — крест. И также три века назад смута была — мудровали Воры над родиной нашей, и тяжка

<sup>1</sup> Простая газета. 1917. № 1. 8 ноября. С. 2.

была жизнь на Руси. // И в это смутное время, у кого болела душа за правду крестную, за разоренную Русь, спрашивали совесть свою: // „За что нам наказание такое, такой тяжкий крест русской земле?“ // И ответил всяк себе ответом совести своей. // И ответ был один: // „За безумное наше молчание“»<sup>1</sup>.

Начало 1918 г., вплоть до времени закрытия большевиками эсеровских изданий — последний этап публицистического творчества Ремизова. От притч, сказочек он перешел к формам прямого обращения к читателю, избрав для этого фольклорный жанр «плача» и древнерусский жанр «слова», соединивший в себе, как отмечал Д. С. Лихачев, два фольклорных жанра — «плача» и «славы»<sup>2</sup>.

Вершиной публицистики Ремизова стало «Слово о гибели Русской Земли». Использование писателем названия конкретного древнерусского памятника («Слова о гибели Русской земли») не означало стилизационного подражания ему. Ремизову было известно, насколько широко использовался данный жанровый термин («слово») в древнерусской литературе. Можно предположить, что он привлек к себе внимание писателя прежде всего как емкое обозначение произведения, не ограниченного жестким жанровым канонам. В годы революции Ремизов не раз обращался к этому жанру в своей публицистике («Заповедное слово русскому народу», «Слово к матери-земли»).

«Слово о гибели» было органичным продолжением древней литературной традиции. И в то же время оно было произведением русского авангарда XX в., текстом, основанным на художественном принципе монтажа, на смене различных речевых ритмов. В «Слове» переплелись отдельные стиливые приемы, образы, скрытые цитаты из памятников древнерусской литературы, фольклора и из новейшей литературы, в том числе из произведений и Дневника Ремизова.

По своей художественной структуре «Слово» представляло собой соединение плачей, приговоров, пророчеств и притч, сказываемых разными людьми разных эпох, но спрашивавших, причитавших или вещавших об одном и

---

<sup>1</sup> Вечерний звон. 1918. № 23. 5 января. С. 3.

<sup>2</sup> Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков. Л., 1973. С. 59.

том же — судьбе России. Среди них был слышен и одинокий голос «очевидца» событий, потерявшегося и оглушенного происходящим: «Русь моя, земля русская, родина беззащитная, обеспокоенная кровью братских полей, подожжена горишь!»<sup>1</sup>

В образно-символической форме в «Слове» представлен исторический путь развития Русской Земли от начальных времен ее укладывания, через години татарского нашествия, время царствования Ивана Грозного, эпоху русской Смуты рубежа XVI—XVII в., перипетии трагической истории раскола XVII вв., эпоху Петровских преобразований и до современности — годов мировой войны и второй русской революции. Столетия уходили за столетиями, менялись правители, враги, иной становилась сама Россия, но одно оставалось неизменным — сквозь пропад и разруху каждый раз воскресала Русь — «Святая Русь» — символ духовной сущности русского народа. Представляя читателю череду катаклизмов русской истории, Ремизов тем самым вводил современность — последнюю русскую «разруху» — революцию — в единый типологический ряд исторического процесса развития России. Современность характеризовалась в «Слове» как период разделения «России» со своей душой («Русью»), которая существует, поскольку она вечна, но скрыта, потаенна: «Ты весь Китеж изводи сетями — пусто озеро, ничего не найти» (с. 198). И в этом плане особое значение в «Слове» имел образ «Безумного всадника» — Медного всадника — Петра I, предстающего воплощением Российского государства, зачастую жестокого, меняющего свои формы, но необходимого для организации «порядка», «уклада» Русской Земли, в конечном счете для восстановления единства «Руси» и «России». Именно с этим образом связан скрытый оптимизм «Слова»: «Безумный ездок, что хочет прыгнуть за море из желтых туманов, он сокрушил старую Русь, он подымет и новую, новую и свободную из пропада. // Слышу трепет крыльев над головой моей. // Это новая Русь, прекрасная и вольная, царица моя. // Русский народ, верь, настанет Светлый день» (с. 199). Но по мысли

---

<sup>1</sup> Ремизов А. Слово о погибели Русской Земли // Скифы. Сб. 2. Пг., 1918 [1917]. С. 196. Далее цитаты по этому изданию в тексте с указанием страницы.

Ремизова, для возрождения Русской Земли необходимо духовное возрождение народа, его покаяние и преображение. После этого люди и станут, используя евангельскую символику, «званными гостями», настоящими хозяевами, «которые сядут на широкую русскую землю» (с. 200).

Завершающая часть произведения — это слово пророка, вещающего о бедах Отечества. И тут необходимо понять ключевую фразу, которая не раз обговаривалась и критиками, и исследователями «Слова»: «Закурекал бы, да головы нет: давно оттяпана!» (с. 200). Она восходила к известному евангельскому сюжету: троекратное пенье петуха являлось напоминанием Петру об отречении от Христа.

В структуре «Слова о погибели» эта фраза была органично связана как с общим художественным планом произведения, так и с мировоззренческой концепцией писателя революционных лет. Как уже говорилось, финал «Слова» — это речь пророка — плач о прошлом, обличение настоящего, прорицание будущего. В этом контексте существенна запись в Дневнике Ремизова от 21 марта 1920 г.: «Я не пророк, я не апостол, я тот петух, к[оторый] запел и отрекшийся Петр вспомнил о Христе». В Дневнике эта фраза закавычена — может быть, это — запись чьих-то слов, или цитата из какого-то источника. Но творческое сознание писателя аккумулировало этот «чужой» текст. Фраза о «петухе» вводила в «Слово» важную для ремизовского творчества того времени идею миссии писателя как некоего «духовного катализатора» процесса пробуждения народной совести. В июньской дневниковой записи 1917 г. Ремизов отмечал: «Никакие и самые справедливейшие учреждения и самый правильный строй жизни не изменит человека, если не изменить в душе его, если душа его не раскроется и искра Божия не блеснет в ней. Или искра Божия блеснет в сердце человека не надо головы ломать ни [о] каком учреждении, ни о каком строе, потому что с раскрытым сердцем не может быть несправедливости и неправильности». По мысли Ремизова, пробуждение совести, принятие страдания как судьбы приведет Россию к возрождению — Второму Пришествию.

После закрытия эсеровских изданий открытая публицистическая деятельность Ремизова прекратилась. Писатель

пытался жить литературным трудом, издавать свои книги. В самых неожиданных издательствах вышли «Николины притчи» (1917), «Никола Милостивый» (1918), «Русские женщины» (1918), «Странница» (1918), «О судьбе огненной» (1918), «Снежок» (1918), «Крестовые сестры» (1918), «Сибирский пряник» (1919), «Электрон» (1919), «Бесовское действо» (1919), «Трагедия о Иуде принце Искаримотском» (1919), «Царь Максимилиан» (1920), «Заветные сказы» (1920), «Царь Додон» (1921), «Е. Заишные сказки тибетские» (1921).

Трудности с изданием книг и почти полное отсутствие возможности публикации в периодической печати вынудили его, как и многих литераторов, принять участие в работе многочисленных одновременно и циклопических, и эфемерных культурных начинаний той поры. С 1 мая 1918 г. и до конца своего пребывания в Петрограде Ремизов служил в Театральном Отделе (ТЕО) Наркомпроса, был членом историко-теоретической и репертуарной секций<sup>1</sup>, непременным членом Бюро ТЕО, заведующим русским театром репертуарной секции. После реформирования ТЕО с 15 ноября 1919 г. он служил в Петербургском Театральном Отделении (ПТО) Наркомпроса, где выполнял обязанности члена репертуарной коллегии. В эссе «К звездам» Ремизов, мысленно обращаясь к умершему А. Блоку, своему другу и соратнику по ТЕО, вспоминал: «Наша служба в ТЕО — О. Д. Каменева — бесчисленные заседания и затеи, из которых ничего-то не вышло. И наша служба в ПТО — М. Ф. Андреева — ваш театр на Фонтанке, помните, вы прислали билеты на „б. короля Лира“»<sup>2</sup>.

Служба в ТЕО, а затем в ПТО была органичным продолжением многолетнего ремизовского интереса к театру. Позднее его внутренние рецензии на пьесы для зрителя Республики Советов были объединены в книге «Крашенные рыла» (Берлин, 1922). Ремизовские взгляды на характер нового театра развивали идеи поэта и теоретика символизма Вячеслава Иванова о необходимости слияния зрителей и актеров в едином соборном действе — мис-

---

<sup>1</sup> Сохранилось членское удостоверение Ремизова, выданное 6 июля 1918 г. — ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. Ед. хр. 1. Л. 11.

<sup>2</sup> Ремизов А. Встречи. Петербургский буерак. Paris, 1981. С. 98.

терии, результатом которого будет духовный катарсис. Так, в статье 1919 г. «Рабкресреп — рабоче-крестьянский репертуар — » Ремизов писал: «Мне видятся два театра: // театр простора — это театр площадей и дубрав // и театр стен. // На площадях и дубравах: // или разыгрывается русалия — большое всенародное действо с душой, устремленной к вечному, религиозное, безумное; // или театр борьбы и мечты, в котором основа временная, цель устроительная, дух разумный»<sup>1</sup>.

Практической реализацией театральных идей Ремизова стали его переделка народной драмы «Царь Максимилиан» (изд.: Пг., 1920) и сохранившаяся в архиве писателя мистерия «Соломон и Китоврас»<sup>2</sup>.

Начало творческого интереса писателя к легендарному образу царя Соломона относилось к началу 1910-х гг. (сказка «Царь Соломон», 1911). В 1912 г. Ремизов планировал вместе с А. Блоком создать драматическое произведение — «русалию», основанную на древнерусской переводной «Повести о Китоврасе». Замысел не был осуществлен, но легенда о встрече библейского мудреца с волшебным существом Китоврасом, который при помощи чар обернулся царем Соломоном и правил его царством, продолжала интересовать Ремизова. Революция 1917 г. — новая попытка создать новые небеса и новую землю — побудила писателя вернуться к давнему замыслу и дать новое толкование древнему эзотерическому сюжету. Так появилась мистерия «Соломон и Китоврас». Работая над текстом, Ремизов прибавил к сюжету древнерусской переводной повести сюжет легенды о начале и завершении строительства Соломонова Храма. В его мистерии три основных персонажа — царь Соломон, Китоврас и строитель Храма Адонирам. Соломон олицетворял собой «законное» человеческое мироустройство. Его антагонист — «вольный житель степей», «кентавр» Китоврас представлял как воплощение стихии абсолютной свободы. Он стал одним из центральных ремизовских символов сущности

---

<sup>1</sup> Ремизов А. Крашенные рыла. Берлин, 1922. С. 83.

<sup>2</sup> Публикацию текста мистерии «Соломон и Китоврас» см.: Грачева А. М. К истории невоплощенного драматургического замысла А. Ремизова и А. Блока («Соломон и Китоврас») // Сб.: Александр Блок. Материалы и исследования. Вып. 3. СПб., 1998. С. 138—178.

революции. Писатель нашел условную философскую и эстетическую аналогию истолкования сути этого образа в символике «скифской» теории Р. В. Иванова-Разумника. «Соломон и Китоврас» — это мистерия о мировом переустройстве. В пьесе сопоставлены два царства (Соломона и обернувшегося им Китовраса) как олицетворение двух типов социума. Царство Соломона — мироустройство на основе «закона» и рациональной человеческой «мудрости». Царство Китовраса — творимый волей Адонирама эксперимент по созданию свободного «нового мира». В финале царство Китовраса сгорает в огне, так как, по мысли Ремизова, мир стихии и воли — притягательная, но обреченная утопия — неизбежно превращается в своего антипода — царство принуждения. Кульминация мистерии — погружение Адонирама в пламя. Это — момент его мистического преображения, искупления своего эксперимента по созданию царства безвластия. В конце пьесы на сцене оказывалось два царя Соломона как воплощение нового выбора, стоящего перед людьми.

Годы военного коммунизма отразились на жизни и судьбе Ремизова во всей полноте своих проявлений и тягот.

В ночь с 13 на 14 февраля 1919 г. Ремизов был арестован и отправлен в ЧК по «делу» Р. В. Иванова-Разумника — делу о несуществовавшем заговоре левых эсеров. Его забрали вместе с А. А. Блоком, Е. И. Замятиным, С. А. Венгеровым, А. З. Штейнбергом, К. С. Петровым-Водкиным, М. К. Лемке и др. на основании записей в телефонной книжке Иванова-Разумника. 15 февраля писатель был выпущен на свободу. В условиях «красного террора» родилась знаменитая ремизовская Обезьянья Великая и Вольная Палата, представлявшая собой игровую форму протеста против государства диктатуры пролетариата<sup>1</sup>.

Наступивший в Петрограде голод заставлял Ремизова искать все новые места службы. Как и многие литераторы, в 1919—1920 гг. он участвовал в работе издательства «Всемирная литература», где редактировал пьесы И. Граббе («Сто дней», «Дон Жуан и Фауст»). Издательством

<sup>1</sup> Подробнее см. статью Е. Р. Обатниной в наст. изд.

были приняты к публикации ранние переводы Ремизова (И. Шляф «Вейганд», Рашильд «Продавец солнца», А. Жид «Филоктет»). В августе и сентябре 1920 г. он был сотрудником Продовольственного театра при московском ТЕО и написал для него детскую пьесу «Пупки кощевы». В ноябре и декабре того же года Ремизов состоял членом коллегии драматургов при Политпросвете Политотдела 7-й армии. В 1920/21 учебном году он работал лектором по предмету «Теория прозы» на словесном отделении факультета искусств в Красноармейском университете имени тов. Толмачева, а на театральном отделении читал историю новой литературы от Гоголя до Горького вместо К. И. Чуковского (как позднее вспоминал Ремизов, «успел только Гоголя»). В июле 1921 г. он был уволен по сокращению штатов ввиду реорганизации университета на новых началах. Житейские тяготы осложнялись тем, что в квартире Ремизовых на 6-м этаже (14 линия Васильевского о-ва, д. 31/33, кв. 48) отключили водопровод и паровое отопление, и писателю приходилось тратить много сил на решение бытовых проблем. С 30 мая 1920 г. Ремизов с женой вынуждены были перебраться на казенную квартиру, в «общежитие» — «Первый Отель Петросовета» (Троицкая, д. 4, кв. 1). Дневник зафиксировал все более обостряющееся безысходное настроение Ремизова и неприятие им происходящего. Так, 5 апреля 1919 г. Ремизов записал: «Когда я вчера шел поздно вечер[ом] по трамвай[ным] рельсам по Невскому, раскатанному с ухабами большой дороги, под пронизывающим ветром и держал в руках документ мой, заготовл[енный] ч[то]б[ы] не расстреляли у мостовой [1 нрзб.], я вдруг до отчетливости ясно понял всю тупость благодетелей человечества, я понял, что всякое благодеяние, исходящее от ума, несет не благодеяние, а злодеяние — какую-то насильственную машину, бредущую и стригущую».

Возможно, что в этих тяжелых условиях родились первые мысли о возможности отъезда из России, о чем как бы намекает первая запись 1919 г. (от 3 марта): «Чего же мне вдруг жалко стало? А жалко мне стало туманного пасмурного утра. Я стою на лугу около леса. Кукушка кукует и звонит монастырский колокол. <...> Вот чего мне жаль — расставаться не хочется. Не вернешь —



Кукушка и там кукует». Ремизов начал искать пути временного отъезда из России. В 1919 г. он обратился к Леониду Андрееву с просьбой помочь ему выехать с женой в Финляндию<sup>1</sup>. В январе 1920 г. через М. Горького он передал официальную просьбу в СНК. По невыясненным причинам этот документ остался в архиве Горького:

«В Совет Народных Комиссаров  
[от] писателя Алексея Михайловича Ремизова и жены его  
Серафимы Павловны Ремизовой, урожд. Довгелло  
Петербург, В. О. 14 л[иния] 31 кв. 48

Прошу разрешить мне и жене моей временно выехать за границу. Тяжелая болезнь моя — обострившиеся припадки круглой язвы желудка с кровавыми рвотами — лишает меня возможности работать.

Сколько было сил, я все делал, и обессилел совсем, а лечиться невозможно. Оба мы обузой стали. У жены моей желчно-каменная болезнь.

14.1.1920  
Петербург

Алексей Ремизов  
С. Ремизова-Довгелло<sup>2</sup>

Через несколько месяцев, не получив ответа на эту просьбу, Ремизов обратился за помощью к старому знакомому по Пензенской ссылке, видному большевику В. А. Карпинскому:

«20.IV. 1920

В. О. 14 л. 31 кв. 48

Алексей Михайлович Ремизов

Дорогой Вячеслав Алексеевич!

Измучился я за эти последние годы и изболелся, и уж не пишу, как мне положено, а Бог знает, что делаю — все делаю, потому и писать ни духа, ни часа нет.

Хочу просить Вас, помогите мне: поговорите с кем это надо! — отпустить меня и жену мою (С. П. Ремизову-Довгелло) в Финляндию хоть на теплые летние месяцы. Из последних сил хожу и все делаю. Измаяно сердце, ноги, дых и мысли.

Телесная страда моя (язва желудка) истощила последние

<sup>1</sup> Письмо Л. Н. Андрееву от А. М. Ремизова 9 марта 1919 // Леонид Андреев. S.O.S. Дневник (1914—1919). Письма (1917—1919). Воспоминания современников (1918—1919). Ред., вступ. статья Ричарда Дэвиса и Бэна Хеллмана. М.; СПб., 1994. С. 277.

<sup>2</sup> ИМЛИ. Архив А. М. Горького. КГ-П. 10. 4. Л. 2.

силы. А я должен много ходить и 6<sup>ой</sup> этаж безводный и все повинности, требующие крепкие руки.

И я только прошу, на теплые летние месяцы отпустить. Просил я через Горького Луначарского — никакого ответа нет. Вячеслав Алексеевич, сделайте что-нибудь — устройте, чтобы разрешение нам дали за границу выехать.

Алексей Ремизов.

Письмо это передает Соломон Абрамович Абрамов, он Вам на словах передаст, что видел, как живем — в каком захлѐбе»<sup>1</sup>.

Хлопоты остались безрезультатными, и в следующем, 1921-м, Ремизов возобновил попытки получить разрешение на выезд. Так, 7 марта он обратился к московскому писателю А. Г. Глебову: «Просьба к Вам, научить, *какое* надо подать прошение Чичерину о загранице — отпустить нас за границу. (Не могу, от головы погибаю, а голова от суеты — хожу, как в чалме и это всю зиму). И можете ли *вы передать* Чичерину это прошение. Напишите на Наркоминдел Серафиме Павловне, а то очень долго идут письма. Я просил бы отпустить нас с правом вернуться»<sup>2</sup>. Только в середине года дело сдвинулось с мертвой точки, — при посредничестве Горького. Об этом свидетельствует письмо Ремизова<sup>3</sup>:

«Алексей Максимович

получил от Луначарского удостоверение

прилагаю

прошу Вас, приложите к анкете нашей заграничной.

Алексей Ремизов

8.VI.1921

[Приложение: письмо-машинопись на бланке Народного комиссара по просвещению РСФСР. — А. Г.]

#### Удостоверение

Настоящим удостоверяю, что Народный Комиссар по Просвещению находит вполне целесообразным дать разрешение писателю Алексею Ремизову временно выехать из России для поправки здоровья и приведения в порядок своих литературных дел, т. к. его сочинения издаются и сейчас за границей вне поля его непосредственного влияния.

Нарком по просвещению А. Луначарский (подпись-автограф)

Секретарь

(подпись отсутствует)»

<sup>1</sup> РГБ. Ф. 1.2.38.

<sup>2</sup> РГАЛИ. Ф. 2503. Оп. 1. Ед. хр. 452. Л. 6.

<sup>3</sup> ИМЛИ. Архив А. М. Горького. КГ-П. 65. 10.8. Л. 1-2.

7 августа 1921 г. Ремизов с женой покинули Россию. Финальные страницы Дневника — это хронологический перечень последних дней на Родине.

В Берлине Ремизов пробыл с 1921 по 1923 г. В его записях тех лет, письмах знакомым постоянно звучит мотив о скором возвращении. Так, на книге «Огненная Россия» он сделал дарственную надпись жене: «С 1917—1921 в Петербурге каждое слово памятно от лютой боли моей до весны последней петербургской. Четыре года жизни как в огне. Сколько я за тебя беспокоился за эти годы. Я-то как-нибудь, — думал, — нет, другого выхода не было. И когда вернемся, какая-токая будет жизнь там, когда вернемся? А без тебя бы пропал и там, и тут. Алексей Ремизов. 26.XII. 1921. Берлин»<sup>1</sup>. Тем же настроением проникнуты, например, письма Ремизова к С. М. Алянскому: «Я себя за эмигранта не считаю, а лишь за временно живущего вне России, как на санатории для восстановления потерянных сил» (21.I.1922); «В Петербург мы собираемся. Надо придумать тогда, как квартиру достать (24.II.1922)<sup>2</sup>. Косвенное свидетельство можно найти и в письме от 26 февраля 1922 г. М. О. Гершензона Л. И. Шестову: «От Ремизова получил одно письмо из Берлина <...> не знаю, искренно ли он пишет, что хочет скоро вернуться»<sup>3</sup>.

30 октября 1923 г. Ремизов получил вид на жительство за № 817, выданный консульством РСФСР на основании Постановления ВЦИК от 2.8.1923 за № 16 гр.<sup>4</sup> В архиве писателя имеются сведения, что им был подан запрос на себя и жену и получены «Разреше[ния] на въезд в Россию выданы Конс[ульским] Отдел[ом] Полном[очного] Пр[едставительст]ва от 1/X 23 г. № P/III действит[ельны] по 2/XII 23 г.»<sup>5</sup>. Однако разрешение оказалось ненужным, так как 5 ноября 1923 г. Ремизовы переехали в Париж.

Революционная эпоха, пережитая Ремизовым в Петро-

<sup>1</sup> Волшебный мир Алексея Ремизова. Каталог выставки. СПб., 1992. С. 22.

<sup>2</sup> РГАЛИ. Ф. 20. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 15 об., 16.

<sup>3</sup> Гершензон М. О. Письма к Льву Шестову (1920—1925) / Публ. А. д'Амелиа и В. Аллоя // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 6. Париж, 1988. С. 249—250.

<sup>4</sup> Архив МИД России. Ф. 165. Оп. 2. Д. 5 (кн. № 5).

<sup>5</sup> ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. Ед. хр. 38. Л. 13.

граде, стала для писателя не только годиной гнева, но и временем накопления творческой энергии. Ремизов не был пассивным созерцателем происходящего, а по мере своих сил его активным участником. Уста писателя не были затворенными, и его голос звучал в общем трагическом хоре эпохи. Жизненные впечатления, философские раздумья и художественная практика революционных лет способствовала новому взлету ремизовского творчества, главным результатом которого стала хроника «Взвихренная Русь».

*А. М. Грачева*